

Вдруг телефон Бай Чжи звякнул. Бай Чжи пришел в себя, открыл его и подумал: «Как прекрасно, первый штраф».

В течение последующих десяти с лишним минут на телефон пришло не меньше трех штрафов. Бай Чжи пошел домой и с бесстрастным выражением лица стал разбираться с ними один за другим.

Бар.

Цэнь Юй снял верхнюю одежду и перекинул через руку, одновременно распустив галстук-бабочку на воротнике официанта. Он небрежно расстегнул две верхние пуговицы на груди, выглядя при этом так, будто примерный муж бросил супруга и пустился во все тяжкие.

Затем он сначала забрал телефоны обоих людей, записи, устройства слежения и новый комплект одежды, после чего отворил дверь своей комнаты.

Увидев, что этот официант все еще живехонько пинает дверь ванной, Цэнь Юй успокоился.

После этого Цэнь Юй вышел обратно, нашел другого официанта, отдал ему карточку от номера и комплект одежды со словами:

— Пожалуйста, отнеси эту одежду в комнату 509.

Официант ответил:

— Хорошо, господин.

Убедившись, что человека вытащили, Цэнь Юй затерялся в толпе, сел в машину и поехал к Ведомству стражей порядка.

Он запечатал запись и скопированные данные удостоверения личности, запер их в ящике стола и отправился домой.

Отворив входную дверь и глядя на пустую квартиру, Цэнь Юй потушил взгляд — в глазах его померк свет, казалось, во всем мире остался только он один, одинокий и слабый.

Одной рукой Цэнь Юй держал еду, а в другой вертел телефон Гу Шияня, направляясь к дивану. Он сел, поставил еду на диван и, глядя на телефон глазами, покрасневшими от нездорового лихорадочного блеска, раз за разом гладил корпус, ощущая присутствие другого человека.

Стоит включить телефон, и тот узнает абсолютно всё.

Цэнь Юй сильнее сжал телефон так, что на руке вздулись вены, но тут же расслабил пальцы.

Он прикрыл глаза рукой и предостерег себя:

— Он это не любит, не надо так делать.

Цэнь Юй посидел на диване, приходя в себя, и вновь обрел холодный и надменный вид. Он встал, включил свет и вернулся к дивану, чтобы поесть.

Он словно робот, шаг за шагом, по порядку приводил свои дела в порядок.

Лягнув постель, он открыл внутренний ящик тумбы, выпил таблетку снотворного и заставил себя заснуть.

Под действием снотворного Цэнь Юй погрузился в сон лишь спустя час.

В гостиной тикали часы: тик-так, тик-так. В полумгле у стены смутно угадывался чей-то силуэт карабкающегося человека.

К счастью, Цэнь Юй все еще жил в том старом жилом комплексе, а квартира находилась на третьем этаже — иначе даже увидеть друг друга не получилось бы.

Однако на беду окно на балконе Цэнь Юя было плотно закрыто и вовсе не открывалось.

Шуршание, с которым возился Гу Шиянь, все же разбудило Цэнь Юя, державшегося в постоянном напряжении.

Гу Шиянь как раз собирался приподнять этого зануду за работу, когда заметил, что Цэнь Юй проснулся.

Цэнь Юй медленно поднялся с постели и направился к балкону, зажав в руке неиспользованную пепельницу.

Одной рукой он отдернул занавеску, другой занес пепельницу... но вместо грабителя увидел Гу Шияня.

Цэнь Юй замер в изумлении, думая, что ему все это снится — неужели на своем веку он дождался момента, когда его благородный и чистый, словно весенний ветер братец ползет через окно?

Гу Шиянь произнес:

— Малыш, чего застыл? Открой дверь, пусти меня.

В тот самый миг, как Гу Шиянь попался на глаза, пепельница выпала из рук Цэнь Юя на пол. Цэнь Юй подбежал и открыл дверь своему братцу.

Едва Гу Шиянь шагнул в комнату, как Цэнь Юй крепко обнял его, заключив в свои объятия.

Гу Шиянь беспомощно вздохнул:

— Малыш, от меня веет холодом.

Цэнь Юй ответил:

— А от меня теплом.

Обнимая прижавшегося к нему малыша, Гу Шиянь заметил его босые ноги:

— Почему ты до сих пор без обуви?

Цэнь Юй-то думал, что в дом забрался вор — разве у него оставалось время на то, чтобы обуваться!

Цэнь Юй объяснил:

— Я думал, это вор, времени не было.

Гу Шиянь покачал головой:

— Не дело это. Но если в следующий раз я тебя поймаю разутым, с меня костюм кролика. Гу Шиянь как-то раз заметил целый набор одежды с кроличьими ушками и хвостиком, но не успел его примерить, как внезапно откинул концы, однако помнил об этом наряде еще очень долго.

Шестой хмыкнул:

— Ох и лис же ты, босс, оказывается, страсть как любишь кроликов!

Гу Шиянь небрежно закинул Три Шестерки обратно в темницу.

Цэнь Юй совершенно не обращал внимания на то, что бормотал Гу Шиянь. Он словно заново учился чувствовать самое присутствие Гу Шияня, отчаянно и жадно ища его губы.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как они расстались, но почему же тоска оказалась такой невыносимой?

Цэнь Юй легко, словно касание крыльев стрекозы, оставлял поцелуй за поцелуем, медленно целуя щеки, шею, ключицы...

Вскоре он принялся покусывать пуговицу на рубашке Гу Шияня. Его неумелые, но отчаянные движения заставляли сердце Гу Шияня плавиться от нежности, а нескрываемый, обнаженный взгляд странным образом давил на нервы.

Сообразив, что ситуация принимает не тот оборот, и его собственный мальчик, кажется, вздумал бунтовать, Гу Шиянь поспешил перехватить инициативу и придавил его к постели.

— Юй-юй, у кого это ты научился такому соблазнению, м? — прошептал он.

Цэнь Юй разжал зубы, отпустя пуговицу, и деланно-грозно бросил:

— Не твое дело!

Не останавливая рук, он взглянул на невозмутимый взгляд своего старшего брата, и в следующее мгновение Цэнь Юй впился губами в его кадык.

Взгляд Гу Шияня сузился. Он слегка подался вперед, одной рукой на затылке Цэнь Юя зафиксировав его в позе абсолютного подчинения. Прикрыв глаза, они смешали свое дыхание.

В тишине комнаты движения Гу Шияня стали еще страстнее. Он даже слышал звуки их интимного, глубокого поцелуя, которые тайной дрожью отзывались в и без того натянутых нервах Цэнь Юя.

— Мхм... — выдохнул Цэнь Юй.

Гу Шиянь отпустил Цэнь Юя всего на пару мгновений, чтобы тот успел перевести дыхание, а затем обрушил на него новый жаркий поцелуй. Властно прикусив губы Цэнь Юя, он нетерпеливо сплел их языки.

Цэнь Юй приоткрыл рот, пытаясь вдохнуть воздуха, но в ответ получил лишь еще более яростную атаку. Горячий кончик языка, утративший всякий контроль, прошелся по каждому уголку рта Цэнь Юя, прошибая его тело волной за волной сладкой дрожи. Гу Шиянь постепенно переместился к его любимой мочке уха, медленно облизывая её, а его руки тем временем принялись нетерпеливо расстегивать пуговицы на пижаме Цэнь Юя.

Цэнь Юй крепко обхватил шею Гу Шияня, его голос охрип:

— Грязно...

Юноша сделал вид, что не расслышал, и всецело сосредоточился на своем занятии, стараясь порадовать своего малыша.

Хотя он и не имел опыта в подобных вещах, он чувствовал тревогу и страх, охватившие его возлюбленного — это он не смог дать ему достаточно ощущения безопасности.

Тело юноши ещё не до конца восстановилось, но такой способ доставить ему удовольствие тоже был вполне уместен.

Вскоре...

Гу Шиянь не спеша поднялся, глядя на покрасневшееся лицо своего малыша.

Он склонился к нему:

— Очень сладкий.

Цэнь Юй хотел что-то сказать:

— Я... м-м, м-м...

Гу Шиянь поднялся, взял его на руки и направился в ванную. Лицо юноши пылало, тело обмякло, а пот приклеил растрепанные пряди волос ко лбу.

Он поставил его под душ, и струи теплой воды заструились по их телам.— Можешь стоять прямо? — спросил Гу Шиянь.

Цэнь Юйхуа попытался изобразить невозмутимость:

— Угу.

Он оттолкнул Гу Шияня, медленно придерживаясь за стену, встал под душ и немного перевел дух.

Видя, что страсть его старшего брата ни капли не угасла, Цэнь Юйхуа понимал, как сильно тот о нем беспокоится.

Цэнь Юйхуа даже не пытался скрыть свой взгляд — все его откровенные мысли были написаны прямо на лице.

— Малыш, ты что, решил отыгаться по принципу «ты мне — я тебе»? — произнес Гу Шиянь. — Любовь строят совсем не так, парня.

Голос Гу Шияня прогремел в голове Цэнь Юйхуа словно взрыв.

— Назови меня еще раз.

— Парень, малыш, крошка, жена~ Какое больше нравится, м?

Цэнь Юйхуа в упор посмотрел Гу Шияню в глаза:

— Последнее.

— Слушаюсь, жена~

Цэнь Юйхуа почему-то почувствовал себя обиженным.

— Ты правда этого хочешь?

<http://bllate.org/book/22461/2362875>